

**ЗВЕЗДЫ
НАУЧНОЙ
ФАНТАСТИКИ**

В серии
«Звезды научной фантастики»
вышли:

- Питер Уоттс. *Ложная слепота*
Питер Уоттс. *Эхопраксия*
Питер Уоттс. *По ту сторону рифта*
Йен Макдональд. *Бразилья*
Адам Робертс. *Стеклянный Джек*
Дэниэл Суарез. *Поток*
Грег Иган. *Город перестановок*
Джеймс Камбиас. *Темное море*
Сборник «*Край бесконечности*»
Тед Косматка. *Мерцающие*
Йен Макдональд. *Новая Луна*
Роберт Чарльз Уилсон. *Хронолиты*
Сборник «*Голос Лема*»
Ричард Морган. *Видоизмененный углерод*
Ричард Морган. *Черный человек*
Питер Уоттс. *Морские звезды*
Йен Макдональд. *Волчья Луна*
Ричард Морган. *Сломленные ангелы*
Ричард Морган. *Пробужденные фурии*
Питер Уоттс. *Водоворот*
Яцек Дукай. *Идеальное несовершенство*
Цезарий Збешковский. *Всесожжение*
Питер Уоттс. *Бетагемот*
Таде Томпсон. *Роузуотер*

ЗВЕЗДЫ
НАУЧНОЙ
ФАНТАСТИКИ

ЙЕН МАКДОНАЛЬД

ДОРОГА ЗАПУСТЕНИЯ

Пер. с англ.: Н. Караев

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)
М15

Серия «Звезды научной фантастики»

Ian McDonald
DESOLATION ROAD

Публикуется с разрешения автора
и его литературных агентов
Zeno Agency Limited (Великобритания)
при участии
Агентства Александра Корженевского (Россия)

Перевод с английского: Николай Караев

В оформлении обложки
использована иллюстрация *К. А. Териной*

Дизайн обложки: *Юлия Межова*

Copyright © 1988 by Ian McDonald
© Николай Караев, перевод, 2019
© К. А. Терина, иллюстрация, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

*Многочисленным людям, которые помогли
растить Дорогу Запустения из пыли и праха,
особенно Патрисии — архитектору,
постоянной помощнице и Первой Леди города*

ГЛАВА 1

Три дня д-р Алимантандо гнался по пустыне за зеленым существом. Подзываемый шарнирным пальцем из турецких бобов, он переплыл пустыню красного гравия, пустыню красного камня и пустыню красного песка. И всякую ночь, когда он подбрасывал сухие щепки в костер и делал записи в журналах, всходило лунное кольцо — кувыркающаяся и блескучая вереница искусственных спутников, влекшая зеленое существо из дальних пределов пустыни ближе к костру.

В первую ночь существо явилось д-ру Алимантандо под мелькавшими высоко в стратосфере метеорами.

— Пусти меня к твоему костру, друг, пусти к теплу, дай мне убежище, ибо я из эпохи, теплее этой. — Д-р Алимантандо жестом пригласил существо приблизиться. Рассматривая странную голую фигуру, он не смог не спросить:

— Что ты за создание?

— Я человек, — сказала зеленое существо. Рот, губы, язык — цвета зеленой листвы. Зубы — маленькие

и желтые, как зерновки кукурузы. — А что такое ты? — Я тоже человек.

— Тогда мы — одно. Расшевели костер, друг, дай мне ощутить пламя. — Д-р Алимантандо пнул переплетение серых веток, и искры вознеслись в ночь. Помолчав, существо спросило: — Друг, есть вода?

— Есть, но я трачу ее осторожно. Кто знает, когда мне суждено пересечь эту пустыню и найду ли я воду на своем пути.

— Друг, я отведу тебя к воде завтра, если ты дашь мне флягу сейчас.

Долгое время д-р Алимантандо сидел недвижно под кувыркающимися огнями лунного кольца. Затем отцепил одну флягу и протянул ее сквозь всполохи зеленому существу. То осушило флягу до дна. Вокруг разлился аромат свежести, как в чаше после весеннего дождя. Тогда д-р Алимантандо уснул — и не увидел ни одного сна.

Наутро у тлеющих угольков, там, где сидело зеленое существо, был только красный камень.

На вторую ночь д-р Алимантандо разбил лагерь, поел и сделал запись в журнале. Потом сидел, просто сидел, и каменная пустыня пьянила его беспредельностью. Он плыл, и плыл, и плыл — прочь от холмов Второзакония, прочь от пустыни красного гравия, сквозь пустыню красного камня, по территории расщелин и трещин, подобной окаменевшему мозгу, по отполированным каменным мостовым, меж выветренных пиков темного вулканического стекла, сквозь леса, каменные уже миллиард лет, по водотокам, сухим уже миллиард лет, сквозь изваянные ветром частоколы из древнего красного песчаника, по населенным духами плоскогорьям, нырял между тонкими гранитными губами в бесконечные гулкие каньоны, хватался, выпучив глаза от ужаса, за что угодно,

когда промагнитные левитаторы напрягались, удерживая ветродоску от падения. Он сбежал от долгого ветра, он плыл, и плыл, и плыл, пока небо не пробили первые уколы вечерних звезд.

Так он сидел, и раскаленные досиня лазеры судорожно рябили на брюхе ветродоски, и зеленое существо явилось к нему вновь.

— Где обещанная тобой вода? — спросил д-р Алимантандо.

— Все однажды было водой и вновь станет водой, — сказала зеленое существо. — Этот камень однажды был песком и вновь станет песком на пляже миллион лет тому вперед.

— Где обещанная тобой вода? — возопил д-р Алимантандо.

— Пойдем со мной, друг. — Зеленое существо повело его к выемке в красной скале, туда, где в глубокой тьме журчал уединенный родник, струившийся из скальной щели в маленький черный водоем. Д-р Алимантандо наполнил фляги, но пить не стал. Он боялся осквернить древний уединенный родник. Зеленое существо исчезло; сквозь влажные отпечатки его ног пробивалась бледно-зеленая поросль. Тогда д-р Алимантандо уснул — и не увидел ни единого сна.

Наутро у тлеющих угольков, там, где сидело зеленое существо, выросло сухое серое дерево.

На третью ночь после третьего дня д-р Алимантандо, переплывавший пустыню красного песка, развел костер, разбил лагерь и утонченным, изящным почерком — сплошные петли и завитки — записал свои наблюдения и размышления в журналы с кожаными переплетами. Той ночью он ощутил усталость; переход через песчаную пустыню выжал его досуха. Поначалу

д-р Алимантандо, трепеща от радости и швыряемых ветром песчинок, бросал ветродоску на бессчетные песчаные волны: вверх и вперед, вверх и вперед, вверх и вперед. Он седлал красный песок и синий песок, желтый песок и зеленый песок, белый песок и черный песок, волну за волной, пока волны не сломали его, не выжали досуха, не истожили видами пустыни соды, и пустыни соли, и пустыни кислоты. А за пределами этих пустынь, в месте за границей истощения, лежала пустыня застылости, где слышны далекие колокола то ли звонниц городов, что ушли под землю миллиард лет назад, то ли звонниц городов, что пока не родились и будут стоять здесь миллиард лет спустя. В сердце пустыни д-р Алимантандо остановился, и под небом, огромным от якорных огней прибывавшего на край мира Парус-Корабля, зеленое существо явилось ему в третий раз. Оно сидело на корточках за кругом света и указательным пальцем выводило знаки в пыли.

— Кто ты? — спросил д-р Алимантандо. — Почему являешься мне по ночам?

— Хотя мы странствуем сквозь разные измерения, я, как и ты, путешествую по этой сухобезводности, — сказала зеленое существо.

— Поясни «разные измерения».

— Время и пространство. Ты в пространстве, я во времени.

— Как это может быть? — воскликнул д-р Алимантандо, которого страстно интересовали время и временность. Из-за времени он был изгнан из родного дома в зеленых холмах Второзакония и заклеял бесом, колдуном и пожирателем детей соседями, в головах которых безобидная и творческая эксцентричность д-ра Алимантандо не вязалась с четко очерченным миром

коров, дощатых домов, овец, силоса и белых оградок. — Как ты путешествуешь во времени? Я пытался понять, как это сделать, годами!

— Время — часть меня, — сказала зеленое существо, распрямляясь и почесываясь. — Я научился контролировать его, как любую другую часть тела.

— Можно ли научить такому умению?

— Тебя? Нет. Ты не того цвета. Но однажды ты, я думаю, все поймешь по-иному.

Сердце д-ра Алимантандо екнуло.

— Что ты имеешь в виду?

— А это тебе решать. Я здесь лишь потому, что этого требует будущее.

— Твои речи для меня слишком загадочны. Скажи прямо. Терпеть не могу бессвязности.

— Я здесь, чтобы вести тебя к твоему предназначению.

— Что? Даже так?

— Если меня здесь не будет, некие цепи событий не случатся; так решили мои сородичи, поскольку им подвластны все время и все пространство, и послали меня вести тебя к твоему предназначению.

— Говори яснее, прошу! — закричал д-р Алимантандо, отличавшийся вспыльчивостью. Но зарыбились всполохи от костра, и мигнули в свете скрывшегося солнца завесившие небо паруса корабля Президиума, и зеленое существо исчезло. Д-р Алимантандо ждал под ветродоской, ждал, пока огонь не умер в раскаленных угольках. Потом, осознав, что этой ночью зеленое существо не вернется, он уснул и увидел стальной сон. В этом сне титанические машины цвета ржавчины сдирали с пустыни кожу и откладывали железные яйца в ее нежную плоть. Из яиц вылуплялись извивающиеся металлические личинки, жаждущие гематита, магнетита

и рудных почек. Стальные черви строили себе высокое гнездо из печей и труб, город сочащегося дыма и свистящего пара, зычных молотов и летучих искр, рек белой расплавленной стали и мясистых белых рабочих дронов, что прислуживали червям.

Наутро д-р Алимантандо проснулся и понял, что ночной ветер покрыл ветродоску песком. Там, где на границе света сидело на корточках зеленое существо, лежал расколотый кусок малахита.

Ветер усиливался и уносил доску прочь от сердца пустыни. Д-р Алимантандо вдыхал винно-терпкий воздух, слушал скрип ветра в парусах и шепот песка, что летел в потоке ветра впереди. Пот испарялся с кожи, соляные ожоги гравировали лицо и руки.

Он плыл, и плыл, и плыл все утро. Солнце достигло зенита, когда д-р Алимантандо увидел свой первый и последний мираж. Нить чистого, сверкающего серебра пробежала прямиком сквозь размышления о времени и его странниках: чистейшее, ярко сверкающее серебро текло с востока на запад над грядой низких утесов, словно отмечавших границу пустыни песка. Подплыв ближе, д-р Алимантандо различил в серебряном блеске темные тени и отраженное зеленое свечение — буд-то там, внизу, могло расти что-то зеленое.

Выходка иссушенного разума, сказал он себе, волоча ветродоску вверх по едва намеченной тропе, через испещренные пещерами утесы; однако, достигнув конечной точки восхождения, понял, что это не выходка иссушенного разума и не мираж. Зеленоватое свечение — и правда свечение росшей вокруг зелени, тень — силуэт примечательно обнаженной скалы, которую коронует оперенная антеннами башня сверхвысокочастотного ретранслятора, а серебряная линия — линия и есть: это

рельсы стандартной железнодорожной колеи, поймавшие солнце.

Д-р Алимантандо прогулялся по зеленому оазису, вспоминая, как зелень пахнет, как зелень выглядит, как зелень ощущается под ногами. Посидел, вслушиваясь в журчание каскадной системы ирригационных каналов и невозмутимые всхлипы и скрипы ветряных насосов, извлекавших влагу из подземного водоносного слоя. Д-р Алимантандо набрал бананов, инжира, гранатов и угрюмо отобедал в тени трехгранного тополя. Он радовался тому, что достиг границы суровых пустынь, но духовный ветер, несший его через разделенный ландшафт, в нем выдохся. Солнышко освещало жужжащий по-пчелиному оазис, и д-р Алимантандо соскользнул в ленивую уютную сиесту.

Неопределенное время спустя он проснулся от ожегшего щеку гравия. Какой-то миг, не открывая глаз, охвачен негой, ничего не понимал. Осознание ударило как гвоздь, вбитый между глаз. Он резко сел и выпрямил позвоночник, пронзенный молнией чистого ужаса.

Забывшись, он не закрепил ветродоску.

Подгоняемая нарастающим ветром, незакрепленная ветродоска бешено прыгала по сухой плоскости. Беспомощно д-р Алимантандо глядел, как единственное средство передвижения уплывает от него по Высоким Равнинам. Глядел до тех пор, пока салатный парус не исчез пятнышком цветовой слепоты на горизонте. Несколько долгих глупых минут он стоял, пытаясь придумать, что теперь делать, но в голове вертелась только глумливая скачущая ветродоска. Он утратил свое предназначение, дал ему улететь по ветру. Этой ночью зеленое существо выйдет из времени, чтобы с ним поговорить, но его там не будет: он прошляпил свое предназначение,

и все те цепи событий, которые предвидели великие умы зеленых существ, не сбудутся. Все пропало. Д-ра Алимандо, которого тошнило от тупости и злости, поставил сумку на землю и стал надеяться на спасение. Вдруг по рельсам вон туда проедет поезд. Вдруг по рельсам проедет поезд вон оттуда. Вдруг удастся смастерить какой-нибудь механизм в башне-ретрансляторе и по воздушным волнам дать сигнал о помощи. Вдруг ему поможет владелец этого плодородного, зеленого, обманчиво ласкового места. Вдруг... вдруг. Вдруг все это — лишь сон во время сиесты, сейчас он проснется и увидит дрейфующую рядом потертую ветродоску.

«Вдруг» вели к «если бы». Если бы он не уснул, если бы привязал веревку... если бы.

Оазис затрясло от зубовно-скрежещущего дозвучивающего громыхания. Трепетал воздух. Дрожала вода в каплях, которые висели на листьях растений. Стальная башня-ретранслятор завибрировала, и д-р Алимандо вскочил на ноги от испуга. Кажется, под пустыней шли какие-то пертурбации: ее поверхность кипела и сопела, как если бы глубоко внизу переваливался и ворочался некий гигантский объект. Песок вспучился, пошел огромными красными пузырями и разрывами, взметнул лавины скользящего гравия и обнажил грандиозный предмет в форме коробки, ярко-оранжевый, с закругленными ребрами и углами; коробка выпрастывалась из недр Великой Пустыни. На громадных боках предмета красовались черные буквы: РОТЭХ. Д-р Алимандо, влекомый гибельным любопытством, подполз ближе к краю утеса. Оранжевая коробка, огромная, будто дом, стояла на поверхности пустыни и зычно гудела.

— Орфа, — прошептал д-р Алимандо; его сердце забилося в благоговении.

«Добрый день, человек!» — внезапно раздался голос в голове.

— Что? — взвизгнул д-р Алиманданто.

«Добрый день, человек. Прошу простить, что не приветствую тебя велеречивее, ибо, как видишь, я умираю и нахожу этот процесс весьма мучительным».

— Как?..

«Я умираю; системы отказывают, лопаются, как нитки, некогда титанический интеллект погружается в идиотию. Взгляни на меня, человек: мое прекрасное тело покрыто шрамами, волдырями и пятнами. Я умираю, отринутая моими сестрами, что бросили меня погибать в этой отвратной пустыне, а не на краю неба, как подобает орфе, с опущенным щитом, сгорая в ореоле краткой звездной славы в верхней атмосфере. Да будут прокляты вероломные сестры! Говорю тебе, человек, если младшее поколение таково, я рада прекратить существование. Да будь у них хоть чуток достоинства! Возможно, ты сможешь мне уйти достойно».

— Я помогу тебе? Тебе? Ты орфа, служанка Приснодевы; это ты обязана мне помочь! Мне, как и тебе, отсюда не выбраться, и если ты не сможешь, моя гибель последует вскоре за твоей. Я оставлен капризным роком, меня подвело мое же транспортное средство.

«У тебя есть ноги».

— Ты ведь шутишь?

«Человек, не тревожь меня своими мелочными заботами. Я не в состоянии тебе помочь. Я не могу перенести тебя куда-либо; я не могу перенести даже саму себя. Мы с тобой останемся здесь, в созданном мною месте. Признаться, твое присутствие не запланировано, тебе здесь быть не надлежит; Пятисотлетний План не позволяет селиться в этой микроэкосистеме еще шесть лет,